

**ИСПАНСКИЙ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ
1936 ГОДА МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ И «АНТИФАШИСТСКИМ
ЕДИНСТВОМ»**

Испанский анархизм был явлением во многом уникальным. За более чем 6 десятилетий непрерывной профсоюзной, социальной, культурной и образовательной работы анархистскому рабочему движению (анархо-синдикализму) в Испании удалось создать настоящее альтернативное общество, охватывавшее жизнь своих членов буквально от рождения до могилы. В профобъединении, Национальной конфедерации труда (НКТ), состояли от нескольких сотен тысяч до более чем миллиона членов, что, с учетом членов семей, составляло существенную часть 24-миллионного населения страны. Дети анархо-синдикалистов учились в либертарных школах; начав работать, трудящиеся вступали в анархо-синдикалистский профсоюз, а свободное время проводили в анархистских культурных центрах (атенеумах), центрах самообразования, библиотеках, на театральных спектаклях или в кафе, созданных их движением; рабочие вместе с соседями закупали продукты питания и боролись с произволом домовладельцев или попытками выселения из квартир. Профсоюз помогал им оказывать давление на предпринимателей, добиваясь трудоустройства в

случае безработицы, компенсации по болезни и т.д. Анархо-синдикалистское рабочее движение выполняло, таким образом, и важнейшие функции в области социального обеспечения.

Не ограничиваясь борьбой за ограничение эксплуатации и угнетения со стороны предпринимателей, государства и церкви и за расширение общественных «свободных пространств», испанский анархизм последовательно стремился к достижению позитивной свободы, к распространению ценностей своего альтернативного общества на весь испанский социум в целом. Как ни одно другое движение, он может служить яркой иллюстрацией вывода французской исследовательницы Э. Финэ о том, что анархисты создавали «форму параллельной цивилизации», включая и «символическую сторону, которая включает целую серию ритуалов, заменяющих идеи господствующей культуры», собственное нормотворчество, представление о должном и даже свой пантеон героев и мучеников. НКТ не только добивалась сокращения рабочего времени и улучшения условий труда; ее члены бастовали, к примеру, с требованием улучшения качества выпускаемой продукции. Профсоюзы организовывали комиссии, которые занимались сбором статистических данных о потребностях населения и производственных возможностях с тем, чтобы уже «на следующий день» после революции приступить к организации новой экономической системы, на основе планирования «снизу» – «от потребителя».

То, что решающая схватка между анархо-синдикалистским альтернативным обществом и противостоящей ему реакционной частью испанского социума стремительно приближается, ощущалось уже с

начала 1936 года. Анархисты энергично готовились к столкновению, как в организационно-техническом, так и в идейном плане, разрабатывая концепции либертарно-коммунистического общественного устройства после победоносного совершения социальной революции. На конгрессе НКТ в Сарагосе в мае 1936 г. делегаты одобрили программный документ, предусматривавший совершение социальной революции в форме экспроприации трудящимися средств производства, захвата ими управления по месту жительства и установления в ходе ее нового строя либертарного коммунизма, основанного на федерации самоуправляющихся коммун.

Долгожданный момент наступил, когда 17 июля 1936 г. реакционные военные подняли мятеж в Испанском Марокко, стремительно распространившийся на города метрополии. Анархо-синдикалисты оказали путчистам вооруженное сопротивление. Наиболее благоприятная ситуация для либертариев сложилась в Барселоне, где они были лучше всего подготовлены и вооружены. 19-20 июля город оказался в руках восставших рабочих, в первую очередь – анархо-синдикалистских ополчений («милиций»), организованных революционными «квартильными комитетами защиты» НКТ и ФАИ. На встрече с делегацией анархо-синдикалистов 20 июля президент каталонского правительства (Женералитата) Луис Компанис признал их победу, но тут же предупредил, что борьба в стране не закончена и предложил анархистам сформировать общий «боевой орган» всех ополчений для руководства «борьбой в Каталонии» – Центральный комитет антифашистских милиций (ЦКАМ). Искушенный политик, он фактически устроил анархистам ловушку. Перед

встречей с их делегацией он советовался с комиссаром Женералитата Фредериком Эскофетом, можно ли противостоять вооруженной НКТ, завладевшей городом. Тот объяснил, что это невозможно: власти нет, а гвардейцы и полицейские не пойдут против народа, бок о бок с которым они сражались. Он посоветовал Компанису привлечь анархистов в общую структуру и тем самым связать им руки. Тот так и сделал.

Одержав победу на улицах, барселонские анархисты должны были принимать решения о дальнейших действиях, исходя из оценки ситуации, сложившейся в Каталонии и Испании в целом, где положение представлялось далеко не столь однозначным. Этому был посвящен ряд встреч и совещаний в 20-х числах июля 1936 г. Многие ведущие деятели НКТ и ФАИ в тот момент высказали мнение, что провозглашение либертарного коммунизма несвоевременно и необходимо единство "антифашистских сил" в борьбе с мятежом. При этом, насколько позволяют судить источники, было высказано три основных аргумента: установление либертарного коммунизма привело бы к установлению «анархистской диктатуры», что противоречило бы существованию анархизма; мировой капитализм не допустит либертарного коммунизма в Испании, но прибегнет к военной интервенции; либертарная Каталония окажется изолирована от остальной Испании и нежизнеспособной.

Давайте внимательнее присмотримся к этим аргументам.

Утверждения, будто провозглашение либертарного коммунизма в противовес идее «антифашистского сотрудничества» означало бы

установление «анархистской диктатуры», следует воспринимать с учетом тогдашнего анархистского дискурса. Установление либертарного коммунизма не предполагало создание некоей анархистской власти. Анархисты и анархо-синдикалисты всегда исходили из того, что в ходе революции будут применяться принудительные меры, такие как экспроприация собственности эксплуататоров и слом используемого ими государственного и политического аппарата. В то же время, трудящиеся должны были пользоваться полной свободой в своих синдикатах и коммунах. Правда, негативную реакцию могло вызвать именно то, что идею «идти на всё» высказал ни кто иной, как Гарсиа Оливер, чья позиция неоднократно вызывала нарекания в либертарном движении. Критики давно прозвали его «анархо-большевиком». Его подозревали (справедливо или нет) в стремлении совершить революцию путем вооруженного путча и установить революционную власть. Однако, вероятнее всего, имелся в виду и иной момент – этический. Термин «диктатура» на языке тогдашних анархистов означал просто «навязывание чего-либо кому-либо», то есть «диктат». Причем в данном случае имелось в виду «навязывание» анархистами своей воли не государству и классовому противнику (что никогда не исключалось), а тем, кто еще вчера бок о бок с ними сражался с путчистами – рабочим из социалистического Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), гвардейцам и т.д. С позиции этики, такое поведение могло восприниматься как сомнительное, своего рода вероломство. Существовало опасение, что в случае провозглашения либертарного коммунизма нельзя будет исключать возможности вооруженных столкновений между сторонниками и противниками

НКТ, причем в ситуации продолжающегося мятежа в стране. Разумеется, с политической точки зрения, подобная «этическая» аргументация может выглядеть малоубедительной, но этот психологический момент следует иметь в виду, анализируя мотивацию некоторых участников июльских пленумов 1936 г. Как бы то ни было, такого рода опасения как раз в тот конкретный момент были не слишком реальными, учитывая настроения среди гвардейцев Барселоны и полную дезориентацию «сил порядка», о чем, как уже отмечалось, информировал Компаниса Эскофет 20 июля.

Мало оснований имел под собой аргумент относительно угрозы военной интервенции со стороны Великобритании и Франции в случае провозглашения либертарного коммунизма. Политика правительств обоих государств (консервативного кабинета в Лондоне и кабинета Народного фронта в Париже) в тот момент и в последующем состояла в том, чтобы не вмешиваться во внутрииспанский конфликт при отсутствии непосредственной угрозы их государственным интересам, жизни их граждан и при условии, что этот конфликт не выйдет за пределы Испании. Последняя возможность в июле 1936 г. выглядела невероятной.

Наиболее серьезным и весомым был, разумеется, довод противников немедленного провозглашения либертарного коммунизма о вероятной изоляции и нежизнеспособности Каталонии, перешедшей в руки анархистов и оказавшейся, таким образом, в конфликте со всеми – и с мятежниками, и со сторонниками Республики. Здесь, прежде всего, стоит напомнить, что в предшествующие годы, особенно в 1932 – 1934 гг., многих анархо-синдикалистов не смущала перспектива локального объявления анархо-коммунизма; такая

практика проводилась в жизнь в ходе многих местных восстаний, которые заканчивались поражением, но должны были обогатить трудящихся ценным опытом действий и укрепить их боевой дух и способность к борьбе. Однако эта тактика оспаривалась оппонентами в НКТ, которые видели в ней проявление «путчизма» и авантюризма. Разгром таких выступлений на местах усиливал ощущение, что «внезапные восстания, вызванные группами заговорщиков, никогда не смогут привести к общему восстанию трудящихся масс». В анархо-синдикалистских кругах крепло представление о том, что изолированные выступления, даже в масштабе отдельного региона, обречены, если они не будут поддержаны в других областях страны. Существовало ощущение, что победившая либертарная Каталония будет неминуемо раздавлена.

В реальности положение было, однако же, далеко не столь безнадежным, как могло показаться участникам пленумов НКТ и ФАИ. Каталония являлась главным промышленным центром Испании, вполне жизнеспособным, в экономическом отношении. В эти и последующие дни выяснилось, что мятеж подавлен на значительной части территории страны, включая Мадрид, Левант и часть Андалусии. Перспективы гипотетического альянса республиканцев и в особенности социалистов и членов ВСТ с ультраправыми мятежниками против либертарной Каталонии представлялись совершенно нереальными. Подавить каталонских анархистов своими силами в тот момент Республика уже не могла, поскольку должна была бороться с мятежом. Зато провозгласившая либертарный коммунизм Каталония была бы в состоянии обсуждать с представителями областей, оставшихся под контролем Республики, условия

взаимодействия в борьбе с путчистами. Однако активисты НКТ восприняли ситуацию как борьбу «двух Испаний» (прогрессивной «красной» и реакционно-клерикальной «черной»), вместо того, чтобы, по меткому выражению Гомеса Касаса, принять в расчет «непримиримую трехстороннюю борьбу, которая разворачивалась на сцене республиканской Испании, между мятежом, революцией и контрреволюцией, то есть борьбу всех против всех, в которой линейные подходы не могли дать представление о реальности».

Конечно, либертарная Каталония июля 1936 г. действительно вполне могла потерпеть поражение, как это случалось и с предыдущими попытками установить анархистский коммунизм. Но весьма сомнительно, что эта неудача имела бы более катастрофические последствия для движения, чем то, что произошло в итоге: разгром Республики, с которой связали себя анархисты, и кровавый террор франкистской диктатуры!

Иначе, чем принимавшие решение «лидеры», смотрели на положение рядовые активисты и участники анархо-синдикалистского движения. Они, как вспоминал Абель Пас, в то время – члена революционного комитета квартала Клот, считали, что общая ситуация скорее благоприятна и воспринимали борьбу с мятежом не как конфликт между демократией и фашизмом, а как классовое сражение между силами пролетариата и буржуазии. Рядовые анархисты и анархо-синдикалисты не желали создания новой политической и правительственной власти, пусть даже исходящей от «лидеров» их организаций.

Участники встреч и совещаний в Каталонии принимали решение, исходя из имевшейся у них на тот момент информации, на которой они строили свою

оценку ситуации. Через несколько дней, максимум неделю, стало ясно, что положение не столь катастрофично и изначально безвыходно, как казалось им вначале, но жребий был уже брошен. Ведущие активисты НКТ и ФАИ, собравшиеся на свои заседания, слишком поторопились в своем выборе. Совещания активистов в те июльские дни проходили поспешно. Даже отсутствие их протоколов говорит само за себя. По единодушным свидетельствам, участники встреч не имели необходимого "императивного мандата" от своих местных организаций.

В итоге, как явствует из протокола расширенного заседания 29 июля Национального комитета НКТ 29 июля 1936 г., согласно информации, оглашенной на этой встрече делегатом от Каталонии, большинство членов НКТ в регионе выступали за установление в Каталонии либертарного коммунизма, но меньшинство тормозило осуществление этого желания. Однако как только колонны анархистских «милиций», отправленные на Сарагосу, возьмут этот город, объяснял каталонский делегат, анархосиндикалисты Каталонии «пойдут на установление нашего идеала, не считаясь с тем, в каких условиях находятся остальные региональные конфедерации».

Таким образом, из этого документа следует, что Каталонская региональная организация НКТ решила не отказываться от провозглашения либертарного коммунизма (как ошибочно утверждает большинство историков), но лишь *отложить* этот шаг до освобождения столицы Анагона – Сарагосы анархистскими ополчениями.

Односторонний отказ каталонской федерации от немедленного выполнения решений конгресса в

Сарагосе вызвал изумление у организаций НКТ в других регионах Испании. Они чувствовали себя просто поставленными перед свершившимся фактом. Об этом свидетельствуют воспоминания ведущего мадридского активиста Сиприано Меры.

Рядовые же члены НКТ и анархистских групп, в свою очередь, во многих случаях поступали так, как будто либертарный коммунизм был уже провозглашен. В Барселоне рабочие уже 21-26 июля стали занимать предприятия и службы, на которых они работали, и устанавливать на них производственное самоуправление. Этот массовый порыв снизу был «задним числом» подтвержден в призыве местной федерации синдикатов НКТ 28 июля. Уже в августе 1936 г. 70% предприятий в Каталонии были захвачены трудящимися и перешли под их управление. В Леванте было захвачено работниками до 50% промышленности. «Инкаутации», то есть захваты предприятий работниками и профсоюзами, происходили и в других регионах, где НКТ пользовалась влиянием, например, в Малаге и Картахене. Зато в Мадриде, где преимущество имели социалистические профсоюзы ВСТ, доля конфискованных фабрик, заводов и служб составляла около 30%.

Итак, органами НКТ и ФАИ решено было пока ничего не решать. Выбор делался в надежде на то, что положение будет меняться к лучшему в самые ближайшие дни.

Однако тем самым НКТ и ФАИ сами себя загнали в ловушку. Поставив все на один-единственный фактор и связав будущее всей социальной революции с возможностью освободить один город (каким бы важным он ни был), анархо-синдикалисты вступили на путь, который, как вскоре выяснилось, лавинообразно

вел к положению, которое в шахматах называется цугванг, то есть такому, когда каждый последующий ход неизбежно «предопределен», запрограммирован предыдущим и только ухудшает позицию, делая ее все более безнадежной. Анархистам предстояло испытать настоящие потрясение и растерянность, когда обнаружилось, что взять Сарагосу не удаётся. Необходимо было срочно определять свой курс в новой, непредвиденной ситуации. Следовало решать, провозгласить ли все-таки либертарный коммунизм, пойдя на анархистскую революцию, несмотря на провал прежних планов, или превратить переходное решение об «антифашистском сотрудничестве» в постоянное до самого окончания войны.

Вот только ситуация, в которой приходилось пересматривать июльский выбор, была уже иной. Драгоценное время ушло безвозвратно. Государственная власть в тылу укрепилась: анархо-синдикалистские «лидеры» не только позволили ей выжить, но и подкрепили путем создания различных «коалиционных» органов с собственным участием – от ЦКАМ в Каталонии и Исполнительного народного комитета в Леванте до местных революционных комитетов. Восстанавливались полицейские органы «порядка». Политические партии с самого начала сделали ставку на то, чтобы «втянуть» анархистов в практику «антифашистского сотрудничества» и тем самым побудить их отказаться от достижения либертарно-коммунистических целей.

В такой ситуации «лидеры» анархо-синдикалистов в отношениях с республиканскими «союзниками» шли на одну уступку за другой. В конце августа они приняли предложение Компаниса о роспуске ЦКАМ и вступлении в каталонское

региональное правительство. Стремление радикального крыла движения добиться пересмотра июльских решений и курса на "коллаборацию" (от предложений на пленумах и вплоть до попытки силового отстранения комитетов НКТ и ФАИ со стороны барселонских "комитетов защиты") не увенчались успехом. В октябре в Каталонии были распущены все революционные органы на местах, замененные местными коалиционными муниципальными советами, а рабочая "коллективизация" в промышленности легализовалась, но при этом ограничивались ее масштабы и устанавливался верховный контроль государства над самоуправляющимися предприятиями. Против коллективизированных предприятий и аграрных коллективов, созданных по инициативе и под влиянием анархистов, велась ожесточенная кампания; их пытались урезать и удушить всеми возможными средствами. Анархистские «милиции» на фронтах не получали необходимых им оружия и боеприпасов. 24 октября был выпущен декрет о «милитаризации» ополчений, то есть их включении в регулярную армию, с ее системой муштры, наказаний, чинопочитания и абсолютного, мертвящего повиновения. Наконец, 4 ноября члены НКТ и ФАИ вступили в правительство Испании во главе с социалистом Ларго Кабальеро, в попытке добиться хоть какого-то участия в руководстве ведения войной и получить оружие для анархистских ополчений. После этого, в конце 1936 г. и весной 1937 г. давление на анархистов в республиканской зоне непрерывно нарастало. В Каталонии снабжение населения было выведено из-под контроля синдикатов и "квартильных комитетов", проводилось разоружение анархистских рабочих и активистов. Были распущены революционные комитеты и восстановлены

муниципальные советы по всей стране. Правительство выпустило декреты о возможности государственного контроля и огосударствления в промышленности и о правительственном контроле над экспортом продукции сельскохозяйственных коллективов. После упорного шантажа со стороны правительства, «лидеры» НКТ и ФАИ, преодолев ожесточенное сопротивление и возражение командиров и бойцов ряда «милиций», добились их согласия на «милитаризацию» и включение в состав регулярной армии. Проводились карательные меры против анархистских коллективов, между анархистами и их противниками вспыхивали вооруженные столкновения и настоящие бои, в ходе чего погибли тысячи людей. По существу, началась своего рода *гражданская война в гражданской войне, и это с* неумолимой логикой подготавливало майские события 1937 г. и вело к ним.

К решающему противостоянию готовились обе стороны. Документы регионального конгресса НКТ февраля-марта 1937 г. свидетельствуют о том, что влияние «радикального крыла» в анархистском движении нарастало по мере того, как эффект анархистского «цугцванга» становился все ощутимее, а анархо-синдикалистов все более явно загоняли в угол, урезая коллективизацию и разоружая трудящихся. Наиболее крупные профсоюзы НКТ Барселоны выступили с резкой критикой участия в правительства, а кандидаты "радикалов", критики "коллаборации" получили более 40% голосов на выборах секретаря каталонского регионального комитета. Пленум анархистских групп Барселоны, с участием представителей «Либертарной молодежи» и квартальных «комитетов защиты», который заседал 11 и 12 апреля, потребовал выхода анархистов из всех

правительственных органов. Более того, участники пленума утвердили предложение группы немецких анархо-синдикалистов-эмигрантов: создать 1 мая в Валенсии полуостровной пленум ФАИ для выработки конкретных предложений и координации сил по осуществлению данных решений. Готовились к схватке и противники анархистов в республиканском лагере, о чем свидетельствуют документы советских военных советников.

После майских событий Испанская шахматная партия перешла в безнадежный эндшпиль, растянувшийся почти на 2 следующих года. Загнанные в рамки профсоюзного сектора экономики и сражавшиеся на фронтах анархисты были намертво пристегнуты к дававшему все больший и больший крен кораблю Испанской республики и, в конце концов, пошли ко дну вместе с ним.